

УДК 069.02:908+070.1

EDN LGSIIIT

DOI 10.17150/2308-6203.2024.13(2).373-390

Научная статья

Публицистика Валентина Распутина на языке музея 2.0: новая трансляция смыслов*

Романцова Т.Д.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
t100562@yandex.ru

Аннотация. В статье музей позиционируется как новое медиа, передающее научные знания об актуальном социокультурном и историческом пространстве с помощью IT-технологий, системы вербальных и невербальных текстов — историко-культурных объектов, музейных предметов. Описаны продуктивные научные подходы к исследованию коммуникативной системы музея, показана эволюция понятия «язык музея» с 1930-х гг. Отмечено, что со второй половины XX в. специфичный экспозиционный язык исследуется как полиязыковая система, продуцирующая институциональный контент — музейный дискурс, сопряженный с историко-социальными, технико-технологическими, информационно-медийными процессами. Установлено, что коммуникативная практика литературного Музея В.Г. Распутина дает основание для классификации музейного дискурса аналоговой и цифровой среды на экспозиционный (статичный системообразующий дискурс, статичный сопроводительный дискурс, статичный парадискурс, динамичный сопроводительный дискурс), дискурс экспозиционного «сопространства» (дискурс служебного и придомового пространства, дискурс корпоративного пространства, «дискурс включения», «пространственный монолог»), дискурс обратной связи (традиционная и цифровая модели), презентационный дискурс (мерч). В ходе интермедиального, медиалингвистического, дискурсивного анализа выявлено, что язык музея подчиняется медийным законам кроссплатформенности, кроссмедийности, трансмедийности, гиперсвязности, мультимедийности. Определены факторы, делающие медиапространство музея конкурентоспособным по отношению к другим информационным средам: технокреатив, геймификация контента, историко-культурная ценность артефактов, неконфликтность «новостного» топика, художественный дизайн среды, эстетика образцовой речевой формы, привлечение онлайн- и офлайн-посетителей к совместному производству музейного контента. Показано, как дешифруются, на нескольких уровнях интерпретируются сложные смыслы авторской нехудожественной прозы с помощью семиотики различных культурных сфер (науки, искусства, образования, медиа, системно-информационной среды), стратегий коммуникативного воздействия (сторителлинг), трансформации когнитивного потенциала музейных предметов. Мультимедийные проекты, тематические экс-

* Материалы обсуждены на XXVII международной научно-практической конференции «Журналистика XXI века (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2023 г.)».

позиционные зоны, городские и региональные пешие и автобусные экскурсионные маршруты, межрегиональные туристические проекты демонстрируют способность кросс-культурного, кросс-локального, кросс-темпорального, IT-технологичного музейного дискурса «мягко» популяризировать идейно-эстетические ценности авторской прозы, расширять медиапространство литературного музея, умножать его просветительские, образовательные, рекреационные возможности.

Ключевые слова. Публицистика Валентина Распутина, литературный музей, новые медиа, музейная коммуникация, язык музея, дискурс музея.

Финансирование. Публикация статьи профинансирована СПбГУ, приказ № 5926/1 от 26.04.2023.

Информация о статье. Дата поступления 10 апреля 2024 г.; дата поступления после доработки 30 апреля 2024 г.; дата принятия к печати 02 мая 2024 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2024 г.

Original article

Valentin Rasputin's Journalism in the Language of the Museum 2.0: A New Translation of Meanings**

Tatyana D. Romantsova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, t100562@yandex.ru

Abstract. The museum is positioned as a new media that transmits scientific knowledge about the current socio-cultural and historical space using IT technologies, a system of verbal and non-verbal texts — historical and cultural objects, museum objects. Productive scientific approaches to the study of the museum's communicative system are described, the evolution of the concept of "museum language" since the 1930s is shown. The study examined the period since the second half of the twentieth century. The specific exposition language is studied as a multi-sign system producing institutional content - museum discourse, coupled with historical and social, technical and technological, information and media processes. It is established that the communicative practice of the literary Museum of V. G. Rasputin provides the basis for classifying the museum discourse of the analog and digital environment into expository, the discourse of expository "co-space", feedback discourse, presentation discourse. In the course of an intermediate, media linguistic, and discursive analysis, it was revealed that the language of the museum obeys the media laws of cross-platform, cross-media, transmedia, hypertext, and multimedia. The factors that make the museum's media space competitive in relation to other information environments are identified. It is shown how the complex meanings of the author's non-fiction prose are deciphered and interpreted at several levels using the semiotics of various cultural spheres, strategies of communicative influence, transformation of the cognitive potential of museum objects. Multimedia projects, thematic exhibition areas, urban and regional walking and bus sightseeing routes, interregional tourism projects demonstrate the ability of museum discourse to

** The materials were discussed at the XXVII International Scientific and Practical Conference "Journalism of the XXI Century" (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, November 17–18, 2023).

“gently” popularize the ideological and aesthetic values of the author’s prose, expand the media space of the literary museum, multiply its educational, educational, recreational opportunities.

Keywords. Journalism of Valentin Rasputin, literary museum, new media, museum communication, language of the museum, discourse of the museum.

Funding. The publication of the article was funded by Staint-Petersburg State University, Order No. 5926/1 dated April 26, 2023.

Article info. Received April 10, 2024; revised April 30, 2024; accepted May 02, 2024; available online June 30, 2024.

Введение

Коммуникация в музее — «процесс общения музейной аудитории с культурным наследием, аккумулирующим опыт материальной деятельности, духовных исканий и традиционную культуру» [1, с. 45] — имеет целью просвещение музейной аудитории, удовлетворение ее духовных потребностей путем передачи научных знаний «о человеке и его среде обитания» [1, с. 45].

Музейная коммуникация происходит с помощью концептуально целостной системы вербальных и невербальных текстов, отражающих социокультурную действительность посредством историко-культурных объектов, источников, музейных предметов как знаков культурно-исторического пространства. Интерес к музейной коммуникации определился «формированием во второй половине XX столетия науки... музееведение» [2, с. 246].

Исследование музейной коммуникации в 1960-е гг. связано с трудами Д. Камерона, описавшего музейное взаимодействие между вещью, посетителем, экспозиционером «как процесс интерпретации» информации, переложения идей на язык вещей [2, с. 248]; с работами К. Хадсона, Ю. Ромедера, Г. Осборна, Е.А. Хупер-Гринхилл, представившими «отдельные составляющие

коммуникации, процессы коммуникационного взаимодействия, способы устранения возможных коммуникационных помех» [2, с. 248].

В российском музееведении во второй половине XX в. коммуникативный подход актуализировался в связи с «эмансипировавшейся от религиозных, политических, экономических потребностей культурно-эстетической потребностью в собственно художественном общении» [3, с. 66], дающем интеллектуальный и эстетический опыт вне дидактики традиционного образовательного процесса. Тогда же, исследуя музейную коммуникацию на антропоцентрических, культурологических, диалогических, аксиологических основаниях, в инструментарий музейной коммуникации, кроме предметов, стали вписывать «и архитектурно-пространственные решения зданий, и подбор специального экспозиционного оборудования» [3, с. 66]. Арсенал приемов и средств музейного обмена культурными знаниями постепенно включился «в широкий контекст гуманитарной проблематики... как часть общего системного целого» [2, с. 250] и сделал возможной постановку вопроса о специфичном экспозиционном языке (М.Б. Гнедовский), интегрированных информационных подходах, создающих особый музейный язык (В.П. Арзамасцев) [3, с. 62].

Появление термина «язык музея» относят к более раннему периоду — началу 1930-х гг. [4, с. 11], активизацию термина связывают с научными изысканиями 1970–90-х гг. [5], когда к осмыслению музейной деятельности привлекли лингвистическую методологию, с ее помощью стали рассматривать структуру отношений между музейными фондами и экспозицией. В 1982 г. З.А. Бонами писала: «в результате синтетически сложной интерпретаторской деятельности музейных работников возникает смысловая структура, детерминирующая значение... предмета в контексте данной экспозиции. Отдельные экспонаты <...> образуют вместе систему знаков, или язык экспозиции» [6, с. 44].

Продуктивный лингвосемиотический подход к комплексу музейных явлений как отраслевой системе языка, «служащей средством коммуникации и пользующейся знаками» [4, с. 11], в 1988 г. предложил Н.А. Никишин: «в качестве знаков... выступают музейные предметы, в качестве словаря — фонды музея» (музейная лексикология, атрибутивная семантика), «правила взаимного сочетания знаков» (музейная грамматика) «действуют в процессе объединения их в тексты (экспозиции)» [4, с. 11].

Термин «язык музея» в 2010–2020-х гг. активно используется в музееведческих исследованиях моделей профессиональной коммуникации. Информационный подход дает возможность Е.Г. Прилуковой трактовать язык музея как «мягкую» силу идеологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание [7], мощный инструмент манипуляции [8]. Интерпретативный подход позволя-

ет М.И. Козьяковой рассуждать об «экспозиционном языке», который вписывает артефакт как «лексическую единицу» в символический «язык вещей» [9, с. 6]. Совмещение предметного, семиотического, эстетического, гносеологического подходов к музейной коммуникации дает возможность Е.А. Ковешниковой представлять язык музея как «семиотическое целое, делающее музей информационной межкультурной коммуникативной системой», которая создается музейными предметами — «информационными текстами» [10]. М.Ю. Кряжевских при междисциплинарном подходе к языку музея делает акцент на необходимости обновления выразительных средств «для многовариантного “прочтения” музейной экспозиции» за счет привлечения «языков» других культурных сфер [11]. Ю.Э. Комлев с позиций специального менеджмента рассуждает о том, что понимание посетителем «языка» предметов влияет на разработку системы управления музейными коммуникациями [12, с. 115]. И.И. Резник обращается к исследованию языка музея в социокультурном аспекте и говорит об информативности, аттрактивности, экспрессивности как важнейших характеристиках «предметной» музейной коммуникации [13]. Е.С. Лапин, рассматривая семиотику языка музея в функционально-речевом отношении, делает вывод о том, что музейная коммуникация конструируется диалогичным гипертекстом [14]. На разных методологических основаниях к описанию языка музея подходит О.С. Мишуровская: как к лингвосемиотической модели, модели социальной коммуникации, модели

передачи информации в семиосфере. Заслуживают особого внимания рассуждения исследователя о сходстве языка музея с естественными языками в отношении к мышлению, законодательным нормативам, авторству, возможности перевода на язык других культур [5].

Постановка проблемы

Предметно-проблемное поле описанных научных изысканий, соотнесенность динамики социальных изменений и музейных процессов подводят к необходимости осмысливать язык музея 2.0 как разноуровневую высокотехнологичную полисемиотическую систему для создания музейного контента — коммуникативного продукта, производимого коллективом профессионалов и непрофессионалов (дарителей, «друзей» музея, сторонних лиц). На функции, содержание, форму, характер совокупного коммуникативного продукта влияют:

- профиль экспозиционно-выставочного музейного комплекса, его социально-культурная политика,
- специфика сбора предметов для музейных фондов, правила атрибуции и экспозиционного представления экспонатов,
- технологические возможности музея как медиаплощадки,
- характер музейных мероприятий в соответствии с социально-культурными тенденциями и планированием деятельности учреждения,
- рекреационно-просветительские запросы аудитории, содержание и интенции интерактивного общения с посетителями,
- организационный тип, вид ответственности, менеджмент учреждения.

С учетом этих факторов представляется целесообразным гово-

рить о продукте музейной коммуникации не как о тексте (экспозиции), а как о музейном дискурсе — полизнаковом, полифункциональном совокупном музейном контенте, включающем «в свою парадигму социальные, психологические, кинетические, этнографические моменты» [15, с. 95–96]. Принадлежность лексемы «дискурс» к специальной терминологии «наук о человеческой духовности» [16, с. 95] дает возможность подчеркнуть в меняющемся музейном контенте наличие коммуникативных характеристик, свойственных музею как динамичной информационно-коммуникативной системе.

О вхождении новых технологий в музейную коммуникацию, в связи с этим об изменении структурно-системных характеристик музейного дискурса, необходимости исследования музейной корпорации как целостной коммуникативной структуры писала О.С. Сапанжа: «Все уровни музейной коммуникации, связанные с обработкой информации, должны быть соединены в единую структуру <...> станет возможно говорить о музее как о коммуникативной системе» [2, с. 251].

Интерес к музейному дискурсу продиктован не распространением понятия «на широкие области научного диалога», не социокультурным трендом на «расширение границ от языковых к культурным формам» [17, с. 91]. Музейный дискурс — составляющая комплексной музейной коммуникации — дает возможность условно представить музей как коммуникативную систему, определить место музейного артефакта — журналистских и публицистических текстов В.Г. Распутина, важной части отечественного нематериального культурного насле-

дия — в этой системе, рассмотреть идейно-смысловые трансформации артефакта, порожденные социальными тенденциями и внутрисистемными корпоративными связями.

Цель статьи — описать коммуникативное поле литературного Музея В.Г. Распутина (далее МР), отдела Иркутского областного краеведческого музея им. Н.Н. Муравьева-Амурского (далее ИОКМ), как нового медиа, где с помощью ресурсов естественного языка и специфичного поликодового музейного языка визуализируются, дешифруются, в новых социальных условиях, новых форматах и ракурсах подаются публицистические тексты и смыслы В.Г. Распутина, вокруг которых формируется системный музейный дискурс.

Объект исследования — журналистские и публицистические тексты разных жанров, написанные В.Г. Распутиным в разные годы и включенные в цельном или цитатном виде в экспозиционно-выставочное пространство МР, метамузейное поле Иркутска и Иркутской области.

Методология исследования

Исследование проведено с помощью методов дискурсивного анализа, позволяющих учитывать экстралингвистические факторы, формирующие поликодовый язык литературного музея. Среди таких факторов: информационные, технологические, коммуникативно-речевые запросы онлайн- и офлайн-аудитории МР, разноплановой с точки зрения прагматических, ценностно-культурных, психологических, творческих установок; технологическая подготовленность и техническая оснащенность МР; локально-тематическая привязка экскурсионной

экспозиционной и внеэкспозиционной коммуникации; жанрово-риторический выбор коммуникативных моделей. В работе использован интермедиаальный анализ, позволяющий выявить следы взаимодействия кодов различных культурных сред в совокупном музейном тексте, описать собственно медийные характеристики и кросс-культурные составляющие коммуникации МР, показать различные сферы региональной культуры, концептуально и семиотически связанные с дискурсом музея. Для анализа публицистических текстов в экспозиционном и метамузейном пространстве использован собственно медиалингвистический метод, состоящий в описании «взаимодействия вербального и медийного уровней медиатекста» [18, с. 20].

Результаты исследования

Технологические процессы активно трансформируют медийные и форматные характеристики коммуникации в литературном музее, при этом отвечая условиям производства нелинейного объективно-оценочного музейного контента: чтобы рассказ о биографии писателя «не подменял саму биографию, история создания произведения — его поэтику» [19, с. 314], современная форма подачи — оригинальную авторскую идею.

Журналистские материалы, публицистика, эпистолярный, мемуаристика В.Г. Распутина — конструктивные, системообразующие тексты литературного МР — выходят в полном или цитатном варианте за пределы экспозиции, в другие коммуникативные среды:

– на сайты МР и ИОКМ, Министерства культуры Российской Федерации, «Культура.РФ», «Культура38»;

– на корпоративные страницы ИОКМ в социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте», на канале *Telegram*;

– в совместные радионные проекты Иркутского радиоканала и ИОКМ — подкаст А.В. Ермакова «Краеведческие записки» (эпизоды о МР, мероприятиях, интервью с сотрудниками МР от 21 июня 2022 г., 27 июня 2022 г., 19 января 2023 г., 15 марта 2023 г., 18 мая 2023 г., 13 марта 2024 г.);

– в публикации цифровых зарубежных и российских федеральных и региональных СМИ о творчестве В.Г. Распутина, о публичных мероприятиях, связанных с именем писателя.

Цитаты из авторской публицистики, наименования газетных статей и очерков, фрагменты из переписки В.Г. Распутина присутствуют во множестве жанров и форматов, относящихся к разным коммуникативным институтам, различным сферам культуры и искусства:

– в архитектурном дизайне МР. Вербалика музейного гида поддерживается цитатами на конструктивных поверхностях музейного комплекса (на деревянных стенах входной группы МР курсивом поданы выдержки из очерка «Откуда есть-пошли мои книги», проблемной статьи «Вопросы-вопросы», публичного доклада «Ученье: свет и тьма»; на баннере в сквере придомовой территории МР расположена подборка цитат из проблемных статей и очерков «Сибирь без романтики», «Откуда есть-пошли мои книги», из эссе и дневниковых записей «Иркутск», «Из “Байкальского дневника”»); художественными средствами стрит-арта (мурал на фасаде жилого дома по ул. Свердлова, 23, с изобра-

жением В.Г. Распутина, оригиналом которого является фотоиллюстрация Б. Дмитриева к циклу очерков «Сибирь, Сибирь...»); планшетными стендами городских выставок «под открытым небом» (межрегиональный туристический проект «Сибирский литературный треугольник» с цитатами из прозы В.Г. Распутина, В.М. Шукшина, В.П. Астафьева во дворе музейного комплекса на ул. Свердлова, 20); репликами на сувенирной продукции ИОКМ (цитаты из очерка «Вниз по Лене-реке»);

– в образовательно-просветительских проектах (проект «Уроки литературы в музее»; тематические интерактивные занятия и квесты для школьников, студентов вузов и ссузов Иркутской области; художественно-анимационный фильм, созданный компанией ООО «Снабженец» — 2» (г. Москва) и актером Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова Андреем Винокуровым к 85-летию В. Распутина на основе очерка «Откуда есть-пошли мои книги»);

– в городских тематических экскурсиях. Монологи и диалоги автобусной («Иркутск Валентина Распутина»), пешей («Путешествие по Иркутску Валентина Распутина») экскурсий проходят на фоне «тематических триггеров» городской социальной рекламы — баннеров с цитатами из произведений В.Г. Распутина (пересечение ул. Советской и Карла Либкнехта в Иркутске);

– в сезонных региональных экскурсионных маршрутах. На однодневных («Порт творчества Байкал») и трехдневных («Путешествие на родину писателя Валентина Распутина») выездах в поселок Усть-Уда, село Аталанка, порт «Байкал» сотрудники

музея не обходят вниманием архитектуру русского деревянного жилища, уникальную домовую пропилную и накладную резьбу, байкальские дачные и хозяйственные постройки, предметы сельского быта и декоративно-прикладного искусства. «Живой» предметно-объектный фон максимально обнажает смыслы, обостряет тональность звучащей распутинской прозы, пробуждает языковую и историческую память экскурсантов, связывает сферы материального и нематериального культурного наследия.

Развертывание концептуальных установок МР во внеэкспозиционном «сопространстве» (Е.Н. Мастеница) условно расширяет границы литературного музея, делает город и область пространством культуры [20, с. 93], в котором несут предначертанную им социальную, просветительскую службу, получают новую жизнь, актуализируются авторские оценки и побуждения.

Говоря о диалектике музея и мегаполиса, Н.Н. Дроздова-Пичурина, О.С. Сапанжа описывают «дискурс включения, при котором музей активно выходит в пространство города» и «пространственный монодискурс», определяющий «метафизику» территории, которая «не мыслится без музея» [17, с. 91–92]. Думается, иллюстрацией «дискурса включения» МР в пространство Иркутска служат архитектурные объекты как маркеры экскурсионных маршрутов, планшетные выставки, городской стрит-арт. «Пространственный монодискурс» представлен мемориальным домом-музеем В.Г. Распутина в Аталанке, обязательном пункте трехдневного туристического маршрута ИОКМ.

Музейный дискурс в том или ином виде, с тем или иным заданием ис-

пользует публицистику и эпистолярный В.Г. Распутина. Например, шопер, объект музейного мерча, составляющая презентационного дискурса, в буквальном смысле несет на себе афористичное ироническое описание типичной манеры поведения русского человека: *...любой запрет на русского человека действует вдохновляюще. «Через забор» — наш любимый ход* [21, с. 418]. Философское обобщение, замкнутое в мире письменной прозы и требующее особых условий соприкосновения с ним, переходит в мир повседневности, бытовой прагматики, безусловного активного контакта с людьми. Очерковый текст на оригинальном носителе в бесконечно разноплановых бытовых ситуациях выполняет авторские и музейные задачи: проанализировать и оценить свои и чужие поступки, мягко задать программу превентивных действий; оценить тонкий юмор автора, стимулировать читательский интерес к его творчеству, посетить литературный музей.

Эффективно с позиций музейного целеполагания и корпоративного маркетинга действуют нехудожественные цитаты внеэкспозиционного пространства МР — входной зоны, музейного двора: *Литература... чувствительна к будущему, она как животное, загодя охваченное тревогой от приближающихся подземных толчков («Откуда есть пошли мои книги»); Удивительно и невыразимо чувство родины... Какую светлую радость и какую сладчайшую тоску дарит оно, навещая нас то ли в часы разлуки, то ли в счастливый час проникновенности и отзвука!* («Иркутск с нами») [22, с. 144, 156]. Экспозиционно-дизайнерское решение дает возможность

МР «преодолеть... музейную усталость и скуку от недостатка коммуникации, фрагментацию реальности и деконтекстуализацию...» [8, с. 269].

Публицистическая проза, мемуаристика В.Г. Распутина наиболее действенно используются в экспозиционном дискурсе, т. к. здесь производятся и эстетизируются культурные коды [23, с. 39], накладывающие «отпечаток на социокультурное пространство общества» [8, с. 271]. Например, мультимедийный проект «Словарь языка произведений Распутина Валентина Григорьевича» [24] (далее МС), часть экспозиционного сопроводительного дискурса, с одной стороны, демонстрирует любовное сбережение языкового наследия В.Г. Распутиным, с другой, транслирует идею о необходимости сохранения русского языка как жизненной основы, ментального существа и силы нации. Эта идея множественно отражена в публицистике: *Язык вмещает в себе все: и характер народный, и опыт, и историю, и философию, и верования, и чаяния, и тяготы в долгом пути. И духовное здоровье нации, нравственное ее состояние... Пока жив язык — жива и нация* («Вопросы, вопросы...»); *...основное его русло полнится, оживает и украшается многочисленными притоками местных говоров, «истечением» его огромных словообразующих площадей и устных поэтических оазисов* («Русь сибирская, сторона Байкальская») [22, с. 507, 411].

В соответствии с концепцией в МС представлены художественные и нехудожественные цитаты с диалектизмами. Диалектное слово «оживает» с помощью фотоиллюстраций из фондов ИОКМ, аудио-

ряда, подготовленного актерами Иркутского академического драмтеатра им. Н.П. Охлопкова. В одно мультимедийное поле с авторскими текстами помещены рассказы коренных сибиряков из «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой, материалы к которому доктор филологических наук, директор Регионального центра русского языка, фольклора и этнографии собирает уже в течение сорока лет. Научно атрибутированные старожильческие рассказы содержат то же самое диалектное слово, которое придает мощь и красоту классическим текстам В.Г. Распутина. МС открывает «пораженному человеку... каталог крестьянских нравственных идей» [25, с. 78], показывает родство истоков писательского лада и крестьянской речи, представляет исторические реалии и судьбы, которые отдаленно угадываются в авторской прозе. С помощью мультимедийного сопроводительного дискурса демонстрируется историческая преемственность ценностных ориентиров, формируются поведенческие нормативы, составляется пассивный словарный запас аудитории.

Функционально и инструментально сближаясь с медиапространством, совокупный музейный дискурс с ядром в виде авторской нехудожественной прозы оформляется по законам медиа:

– кроссплатформенности и связанных с нею кроссмедийности, трансмедийности. Посетитель пользуется несколькими мультимедийными устройствами, имеет в поле зрения предметность нескольких коммуникативных сред, получает цитаты в разных форматах из раз-

ных сегментов экспозиционного и внеэкспозиционного пространства и «сопространства» музея;

– мультимедийности. В экспозиционных залах МР с посетителем контактирует полизнаковая предметность — печатные и рукописные музейные и архивные источники, видеотрансляции постановок Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова, художественные и документальные фильмы, тематические мультимедийные проекты, предметы из фондов ИОКМ;

– гипертекстуальности. Экспозиция МР в онлайн- и офлайн-формате представлена системой концептуально и технологически связанных артефактов; сайты МР, ИОКМ снабжены перекрестными ссылками разных типов, доступны по внешним ссылкам с сайтов и сетевых страниц министерств культуры РФ и Иркутской области, платформ *Rutube*, *YouTube*.

Медийные характеристики дискурса и инструментарий решения коммуникативных задач дают основания исследователям называть современный музей медиасредой, трансформирующей медиaprостранство [23, с. 39], новым СМИ [26], новым медиа и конкурентом СМИ в создании новости¹.

Как новое медиа современный музей выполняет задачу «не выставить экспонат... а произвести контент... историю, что музей хранит и экспонирует... сделать репортаж <...> чувствовать, чем аудитория живет в новостной повестке <...> найти правду и продвинуть ее»². Как в медиополе СМК, в дискурсе музея

особую ценность приобретает «искусство владения... выразительными средствами для раскрытия элементов и частей истории, используя интерактивные приемы и возбуждая воображение человека» [27, с. 11]. Это искусство составляет суть сторителлинга — востребованной речевой технологии воздействия, продуктом которой являются сюжетные тексты разных жанров с эффектом «последовательного изложения истории... вовлеченности, сиюминутности и причастности» аудитории к процессу неформальной «передачи опыта, знания, инсайдерской информации» [28, с. 146].

Искусство сторителлинга в должной мере воплощается в музейном дискурсе [29]. Экспозиционный системообразующий (авторская печатная и рукописная проза) и сопроводительный дискурсы (документы, предметы, тексты экскурсий, медиапроекты), дискурс экспозиционного «сопространства» (неэкспозиционные площади МР), «дискурс включения» (объекты города), «пространственный монолог» (объекты области, региона), дискурс аналоговой и цифровой обратной связи построены с ориентацией на историю, сопряженные с жизнью и творчеством В.Г. Распутина, с историко-литературными и культурными событиями страны, с предметным и документальным фондом МР. Сторителлинговая технология воздействия «позволяет (музеям — Р.Т.)... быть конкурентными наравне с более влиятельными институтами» [27, с. 26].

Конкурентоспособность музейного медиадискурса объясняется

– падением интереса аудитории к коммерциализованным, переполненным фейками СМИ;

¹ «Музеи – это новые медиа» // Медиа-тренды. URL: http://radio_mohovaya9.tilda.ws/mediatrends_loseva.

² Там же.

– удобством использования, технологическим креативом (кросс- и мультимедийность, геймификация онлайн- и офлайн-контента);

– доверием аудитории к музейной «новости», не ангажированной, не нарушающей исторической правды, верифицированной специалистами, образно сопряженной с мемориальными предметами, вписанными в знакомый культурно-исторический фон;

– психологическим настроением аудитории на фактографию неконфликтного культурного топика, на художественную гармонию музейной среды;

– эстетикой образцовой речевой формы: язык литературного музея с его академическим статутом отличается от современного «медиалекта», который «нередко оказывается в конфликте со «словарем культуры» как морально-эстетическим предписанием» [30, с. 293].

Упрочение статуса музея как полноценного медийного пространства преобразует музейный дискурс и его системообразующее ядро — авторскую прозу. Дискурс музея:

– все активнее и разнообразнее в информационных, стилистических, риторических целях использует семиотику других культурных сред: научной, системно-информационной, образовательной, сферы искусства. Е.С. Лапин говорит о «...формировании в музее сложной совокупности взаимосвязанных текстов, которую целесообразно обозначать термином “музейный гипертекст”... совокупность текстов получает свое продолжение во внешней среде... научных дисциплинах... социальных институтах» [14, с. 120]. Примером семиотического сплава культурных

сред в дискурсивном музейном продукте может служить МС, функционирующий по законам «музейного гипертекста»;

– вовлекает в коммуникативную практику эффективно зарекомендовавшие себя платформы, форматы, жанры СМК (подкасты на Иркутском радиоканале, новости на сайте МР, посты в соцсетях, медиапроекты);

– меняет когнитивное поле историко-культурных объектов. Предметы «как знаковые средства культуры» с «особым семиотическим языком, удобным для выражения тех идей... которые сложно или даже невозможно выразить в других кодах и языках культуры» [31, с. 623], преобразуются в экспозиционном дискурсе под влиянием диджитального фона и витального окружения. Так, дискурс музейных предметов — описанные В.Г. Распутиным голоса коллекции колокольчиков [32, с. 433] — самостоятельной историей вливается в экскурсионный дискурс о творчестве на верхнем этаже МР. Семиотика дискурса колокольчиков, восстановленная из авторского сюжета, моментально прочитывается и по-новому осознана в пространстве писательского кабинета, в окружении «самоговорящих» мемориальных вещей: книжных шкафов, печатных изданий, письменного стола, письменных принадлежностей, страниц рукописей, картины с деревенским пейзажем;

– структурируется из нескольких уровней интерпретации авторского текста как музейного предмета: «Исходный уровень составляет та информация, которую «транслируют» музейные экспонаты... Следующие уровни интерпретации создаются этикетажем... развернутыми пояс-

нительными текстами... устными сообщениями... последний уровень интерпретации обеспечивает мультимедийный информационно-экспозиционный комплекс, который может... разворачивать более объемные научные комментарии...» [31, с. 629–630]. Так, воспоминания В.Г. Распутина о родной Аталанке, разбросанные по очерковой публицистике («Вопросы, вопросы...»; «А век двадцатый близится к закату»; «Когда отринуты моральные законы»; «Откуда есть-пошли мои книги»), поддерживаются экспонатом, этикетажом, экскурсионным комментарием, фоторядом из семейного архива Распутиных, мультимедийным проектом «Генеалогическое древо рода Распутиных» о четырнадцати поколениях родословной В.Г. Распутина. Музейный мультимедийный проект в свою очередь дает возможность увидеть документы ОГКУ «Государственный архив Иркутской области», услышать от экскурсовода фрагменты воспоминаний родных и близких автору людей — А.Г. Мавроди, сестры писателя, Д.И. Слободчикова, друга детства В. Г. Распутина;

– превращает музей в «площадку обмена мнений», которая «создает актуальный контент для широких масс, поставляет на рынок... лидеров мнений» [27, с. 23]. В совокупном дискурсе музея проза В.Г. Распутина активизирует способность посетителей «не только передавать, но и трансформировать... генерировать новые сообщения» [23, с. 41]. Массовое включение аудитории в деятельность удобного, функционального, доступного музейного пространства, «ориентированного на публику», на создание «в общении с культурой... своих собственных смыслов» вле-

чет за собой активное творческое участие в организации выставок, в продвижении «публично-ориентированных программ» [33]. Посетители музея «... становятся полноправными создателями музейных экспозиций наряду с собирателями, хранителями, дизайнерами и научными сотрудниками» [31, с. 630]. Так, в книге отзывов МР оставлено несколько предложений о совершенствовании маркетинговых услуг, об участии в комплектовании фондов МР авторской публицистикой: «2 июля 2023 г. <...> У меня лично был один «контакт» с В.Г. Распутиным в начале 2000-х годов, когда двухтомник его произведений был издан в Калининграде. Тогда я заснял продолжительное выступление нашего классика — Распутина. Теперь бы «оцифровать» эту запись. Постараюсь это сделать и доставить в ваш музей. В.Н. Шульгин, к.и.н., Калининград». Желание «сотворчества» с коллективом МР как нельзя лучше подтверждает тезис М.Ф. Альбедиль о том, что эффективность музейного дискурса определяется активной реакцией посетителя, дополняющего, интерпретирующего смыслы музейных артефактов.

Выводы

Анализ коммуникативной прагматики МР показывает, что коммуникативная система литературного музея порождает дискурс разных видов:

1. Экспозиционный, в составе которого:

– статичный системообразующий дискурс: художественная и нехудожественная печатная и рукописная проза автора;

– статичный сопроводительный дискурс: документы, предметы;

– статичный парадискурс как часть музейной айдентики³: логотип, навигация, графика, интерфейсы цифрового контента, корпоративная форма;

– динамичный сопроводительный дискурс: экскурсии, кино-, видеоматериалы, медиапроекты, тематические массовые мероприятия;

2. Дискурс экспозиционного «сопространства» (Е.Н. Мастеница):

– дискурс служебного пространства (входная, гардеробная зоны);

– дискурс придомового пространства (двор, кассовый киоск);

– дискурс корпоративного пространства: фондов, отделов, сайтов немусейных организаций (Иркутский радиоканал, Министерство культуры Иркутской области);

– «дискурс включения» (Н.Н. Дроздова-Пичурина, О.С. Сапанжа);

– «пространственный монодискурс» (Н.Н. Дроздова-Пичурина, О.С. Сапанжа);

3. Дискурс обратной связи в коммуникативной среде МР и ИОКМ:

– в аналоговой форме: книга отзывов;

– в цифровом формате: на сайтах, в соцсетях, мессенджерах;

4. Презентационный дискурс:

– мерч как часть музейной айдентики: шоперы, открытки, сувениры, подарочные издания прозы В.Г. Распутина, одежда с логотипами МР, ИОКМ.

Функционально и инструментально сближаясь с медиа, МР выстраивает внутри- и внекорпоративную коммуникацию с помощью совокупного музейного дискурса.

Последний, имея системообразующее ядро в виде авторской нехудожественной прозы, оформляется по законам медиа — кроссплатформенности, гипертекстуальности, кросс-, транс-, мультимедийности.

Медийно-технологические и риторико-стратегические цели музейной коммуникации преобразуют экспозиционный, «сопространственный», интерактивный, презентационный музейный дискурс и вместе с ним авторскую прозу. Музейный дискурс использует семиотику других культурных сред; вовлекает в коммуникативную практику эффективно зарекомендовавшие себя платформы, форматы, жанры СМК; с помощью цифрового инструментария, предметности городского, регионального охвата меняет когнитивное поле историко-культурных объектов, концептуально наполняющих аналоговое экспозиционное пространство; активизирует способность аудитории передавать, трансформировать, генерировать онлайн- и офлайн-информацию, акцентировать важные авторские идеи, предлагать новые формы их подачи.

Публицистика В.Г. Распутина, говорившая о сложных вещах «напрямую, раз художественный язык, задевая сердце, не достигает ума» [22, с. 9], «реплицируется, реконфигурируется, подвергается медиативным манипуляциям» [34, с. 61] в кросс-культурной, кросс-темпоральной, IT-технологичной музейной коммуникации. Это позволяет эффективно транслировать концептуальные музейные и авторские смыслы, «сделать неосознаваемое наследие более видимым... обеспечить его... жизнеспособность», сделать явным «выдуманное отобра-

³ «Не логотипом единым»: что такое айдентика и зачем она нужна музеям. URL: <https://prorus.ru/interviews/ne-logotipom-edinyim-chno-takoe-ajdentika-i-zachem-ona-nuzhna-muzeyam>.

жение мира автором» [35, с. 63], без отечественного нематериального назидательной дидактики, «мягко» культурного наследия — публици-убедить в непреходящей ценности стики В.Г. Распутина.

Список использованной литературы

1. Самарина Н.Г. Музейная коммуникация в контексте культурной памяти и культурного наследия / Н.Г. Самарина. — EDN RWNGCT // Вопросы музеологии. — 2013. — № 2 (8). — С. 45–55.
2. Сапанжа О.С. Развитие представлений о музейной коммуникации / О.С. Сапанжа. — EDN KHNUBX // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2009. — № 103. — С. 245–252.
3. Бурганов И.А. Музейный предмет — знак «двух языков» / И.А. Бурганов. — EDN JXZFEX // Дом Бурганова. Пространство культуры. — 2008. — № 2. — С. 61–66.
4. Никишин Н.А. «Язык музея» как универсальная моделирующая система музейной деятельности / Н.А. Никишин // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности / отв. ред. В.Ю. Дукельский. — Москва, 1988. — С. 7–15.
5. Мишуровская О.С. Музей как один из языков культуры / О.С. Мишуровская. — EDN SEKTCB // Человек. Культура. Образование. — 2013. — № 4 (10). — С. 13–21.
6. Бонами З.А. Игры разума с предметом: в поисках дефиниции музейной коммуникации / З.А. Бонами. — EDN UUGCGF // Музей — Памятник — Наследие. — 2018. — № 1 (3). — С. 41–50.
7. Прилукова Е.Г. Тайны власти языка музея / Е.Г. Прилукова. — EDN HEQBME // Гороховские чтения : материалы XIII регион. музейной конф., Челябинск, 25 нояб. 2022 г. — Челябинск, 2022. — С. 160–162.
8. Прилукова Е.Г. Музей фактов или факты музея: знаково-символическая природа музея / Е.Г. Прилукова. — EDN WEDKME // Гороховские чтения : материалы X регион. музейной конф., Челябинск, 01 нояб. 2019 г. — Челябинск, 2019. — С. 269–272.
9. Козьякова М.И. Музей в истории культуры: постмодернистский дискурс / М.И. Козьякова. — EDN VJNOER // Культура культуры. — 2020. — № 3. — С. 6.
10. Ковешникова Е.А. Музейный экспонат как информационный текст межкультурной коммуникации / Е.А. Ковешникова. — EDN NQYEYN // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2010. — № 13. — С. 115–125.
11. Кряжевских М.Ю. Модификация «музейного» языка в коммуникативном поле Объединенного музея писателей Урала / М.Ю. Кряжевских. — EDN MUFNGD // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2010. — № 2 (76). — С. 190–196.
12. Комлев Ю.Э. Методология исследования управления музейными коммуникациями / Ю.Э. Комлев. — EDN OYMBUN // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 5. — С. 113–118.
13. Резник И.И. Диалог на языке музея / И.И. Резник. — EDN PBDGGD // Омский научный вестник. — 2012. — № 2 (106). — С. 264–265.
14. Лапин Е.С. Диалог в музейном пространстве как фактор формирования гипертекста / Е.С. Лапин. — EDN YLZLOH // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2018. — № 3 (83). — С. 116–122.
15. Бондарева Л.М. Текст и дискурс как понятийные категории / Л.М. Бондарева. — EDN RVFNER // Язык. Текст. Дискурс. — 2009. — № 7. — С. 91–97.
16. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков. — EDN SCKDSN // Вопросы филологии. — 2007. — № S1. — С. 86–95.
17. Дроздова-Пичурина Н.Н. Диалектика пространственного дискурса музея и мегаполиса: К постановке проблемы / Н.Н. Дроздова-Пичурина, О.С. Сапанжа. — EDN UVQWQ // Музей — Памятник — Наследие. — 2017. — № 1. — С. 87–93.
18. Добросклонская Т.Г. Методы анализа видео-вербальных текстов / Т.Г. Добросклонская. — EDN VZDSWP // Медиалингвистика. — 2016. — № 2 (12). — С. 13–25.

19. Никонова А.А. Статус литературного наследия в музее и формы его презентации / А.А. Никонова, Е.В. Яновская. — EDN GSEOMT // Литературные музеи в контексте истории и культуры : Всерос. науч. конф., Москва, 02–03 июня 2018 г. — Москва, 2019. — С. 305–318.
20. Гаранина Е.В. Литературный текст в дискурсе литературного музея / Е.В. Гаранина. — DOI 10.34670/AR.2022.70.63.013. — EDN GNPXSQ // Культура и цивилизация. — 2022. — Т. 12, № 3-1. — С. 87–95.
21. Распутин В.Г. Вниз по Лене-реке / В. Г. Распутин // Сибирь, Сибирь... — Иркутск : Изд. Сапронов, 2006. — С. 418.
22. Распутин В.Г. У нас остается Россия : [очерки, эссе, статьи, выступления, беседы] / В. Г. Распутин. — Москва : Ин-т русской цивилизации, 2015. — 1190 с.
23. Хамина А.А. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки / А.А. Хамина, Н.Н. Зильберман. — EDN THHFKL // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 389. — С. 38–45.
24. Романцова Т.Д. Мультимедийный словарь в Музее В.Г. Распутина: концепция, опыт создания / Т.Д. Романцова. — EDN UOSTDU // Валентин Распутин. Правда памяти : материалы Всерос. конф., Иркутск, 28 сент. — 02 окт. 2017 г. — Иркутск, 2018. — С. 204–213.
25. Курбатов В.Я. Валентин Распутин : Личность и творчество / В.Я. Курбатов. — Москва : Сов. писатель, 1992. — 172 с.
26. Барсукова Н.И. Медиапространство музея как поиски нового формата / Н.И. Барсукова, Н.В. Родионова // Костюмология. — 2022. — Т. 7, № 1. — URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/14IVKL122.pdf>.
27. Музей в цифровую эпоху: Перегрузка / П.О. Васильева, Д.В. Качуровская, А.В. Михайлова, С.Э. Феоктисова. — Екатеринбург : Издательские решения, 2018. — 183 с.
28. Анюхина А.М. Феномен мультимедийного лонгрида и digital storytelling в сетевых медиа / А.М. Анюхина. — EDN YRGIGD // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2017. — № 2 (24). — С. 146–150.
29. Романцова Т.Д. Медийный сторителлинг как коммуникативный инструмент литературного музея / Т.Д. Романцова. — EDN JBLRIF // Журналистика XXI века: в пространстве культуры : материалы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 17–18 нояб. 2023 г. / под ред. С.Г. Корконосенко. — Санкт-Петербург, 2023. — С. 465–471.
30. Полонский А.В. Язык в современных медиа: история приобретений и потерь / А.В. Полонский, В.Г. Глушкова. — EDN PXFYUO // РКИ: Лингвометодическая образовательная платформа : сб. трудов междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 21 мая 2021 г. — Белгород, 2021. — С. 289–295.
31. Альбедиль М. Ф. Вещь в музейном пространстве: изменение статуса и другие трансформации / М. Ф. Альбедиль. — DOI 10.31696/2618-7043-2021-4-3-620-634. — EDN MAZHMN // Ориенталистика. — 2021. — Т. 4, № 3. — С. 620–634.
32. Распутин В.Г. Видение / В.Г. Распутин // Собрание сочинений : в 4 т. — Иркутск, 2007. — Т. 3. — С. 429–433.
33. Simon N. The Participatory Museum / N. Simon. — URL: <https://participatorymuseum.org/read/>.
34. Джумайло О.А. Понятие интермедиальности и его эволюция в современном научном знании / О.А. Джумайло. — DOI 10.24411/2499-9679-2018-10197. — EDN YRPTGH // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 4. — С. 58–62.
35. Пустовойт Ю.В. Классифицирование мультимедийных технологий в экспозиционно-выставочном пространстве современного музея / Ю.В. Пустовойт. — EDN SMULZM // Культурное наследие России. — 2019. — № 1. — С. 62–67.

References

1. Samarina N.G. Museum Communication in the Context of Cultural Memory and Cultural Heritage. *Voprosy muzeologii = The Issues of Museology*, 2013, no. 2, pp. 45–55. (In Russian). EDN: RWNGCT.

2. Sapanzha O.S. Development of Ideas about Museum Communication. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2009, no. 103, pp. 245–252. (In Russian). EDN: KHNUBX.

3. Burganov I.A. A Museum Object Is a Sign of “Two Languages”. *Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury = Burganov House. The Space of Culture*, 2008, no. 2, pp. 61–66. (In Russian). EDN: JXZFEF.

4. Nikishin N.A. “The Language of the Museum” as a Universal Modeling System of Museum Activities. In Dukelskii V.Yu. (ed.). *Museum Studies. Problems of Cultural Communication in Museum Activities*. Moscow, 1988, pp. 7–15. (In Russian).

5. Mishurovskaya O.S. Museum as One of the Languages of Culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2013, no. 4, pp. 13–21. (In Russian). EDN: SEKTCB.

6. Bonami Z.A. The Mental Games with an Object: In Search of the Museum Communication Definition. *Muzei — Pamyatnik — Nasledie = Museum — Monument — Heritage*, 2018, no. 1, pp. 41–50. (In Russian). EDN: UUGCGF.

7. Prilukova E.G. Secrets of the Power of the Language of the Museum. *Gorokhov Readings. Proceedings of the XIII Regional Museum Conference, Chelyabinsk, November 25, 2022*. Chelyabinsk, 2022, pp. 160–162. (In Russian). EDN: HEQBME.

8. Prilukova E.G. Museum of Facts or Museum Facts: The Iconic and Symbolic Nature of the Museum. *Gorokhov Readings. Proceedings of the X Regional Museum Conference, Chelyabinsk, November 01, 2019*. Chelyabinsk, 2019, pp. 269–272. (In Russian). EDN: WEDKME.

9. Kozyakova M.I. Museum in the History of Culture: Postmodern Discourse. *Kul'tura kul'tury = Culture of Culture*, 2020, no. 3, pp. 6. (In Russian). EDN: VJNOER.

10. Koveshnikova E.A. Museum Exponent as an Information Text of in Intercultural Communication. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*, 2010, no. 115–125. (In Russian). EDN: NQYEYN.

11. Kryazhevskikh, M.Y. Museum Language Modification in the Communicative Field of the United Museum of the Urals Writers. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Izvestia. Ural State University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2010, no. 2, pp. 190–196. (In Russian). EDN: MUFNGD.

12. Komlev Yu.E. Methodology of Researching of Management of Museum Communication. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 5, pp. 113–118. (In Russian). EDN: OYMBUN.

13. Reznik I.I. The Dialogue in the Language of Museum. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, 2012, no. 2, pp. 264–265. (In Russian). EDN: PBDGGD.

14. Lapin E.S. Dialog in Museum Space as a Factor of *Hypertext Formation*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Moscow State Institute of Culture*, 2018, no. 3, pp. 116–122. (In Russian). EDN: YLZLOH.

15. Bondareva L.M. Text and Discourse as Conceptual Categories. *Yazyk. Tekst. Diskurs = Language. Text. Discourse*, 2009, no. 7, pp. 91–97. (In Russian). EDN: RVFHEP

16. Dem'yankov V.Z. Text and Discourse as Terms and as Words of Everyday Language. *Voprosy filologii = Questions of Philology*, 2007, no. S1, pp. 86–95. (In Russian). EDN: SCKDSN.

17. Drozdova-Pichurina N.N., Sapanzha O.S. Dialectics of the Discourse of Spaces between the Museum and the Metropolis. *Muzei — Pamyatnik — Nasledie = Museum — Monument — Heritage*, 2017, no. 1, pp. 87–93. (In Russian). EDN: UVQQWQ.

18. Dobrosklonskaya T. G. Methods of Analyzing Video-Verbal Texts. *Medialingvistika = Media Linguistics*, 2016, no. 2, pp. 13–25. (In Russian). EDN: VZDSWP.

19. Nikonova A.A., Yanovskaya E.V. Status of Literary Heritage in a Museum and Its Presentation Forms. *Literary Museums in the Context of History and Culture. All-Russian Scientific Conference, Moscow, 02–03 June 2018*. Moscow, 2019, pp. 305–318. (In Russian). EDN: GSEOMT.

20. Garanina E.V. Literary Text in the Discourse of the Literary Museum. *Kul'tura i tsivilizatsiya = Culture and Civilization*, 2022, vol. 12, no. 3-1, pp. 87–95. (In Russian). EDN: GNPXSQ. DOI: 10.34670/AR.2022.70.63.013.
21. Rasputin V.G. Down the Lena River. *Siberia, Siberia...* Irkutsk, Sapronov Publ., 2006, pp. 418. (In Russian).
22. Rasputin V.G. *We Still Have Russia*. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2015. 1190 p. (In Russian).
23. Haminova A.A., Zilberman N.N. The Theory of Intermediality in the Context of Modern Humanities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2014, no. 389, pp. 38–45. (In Russian). EDN: THHFKL.
24. Romantsova T.D. Multimedia Dictionary in the Museum of V.G. Rasputin: Concept, Experience of Creation. *Valentin Rasputin. The Truth of Memory. Materials of the All-Russian Conference, Irkutsk, September 28 — October 02, 2017*. Irkutsk, 2018, pp. 204–213. (In Russian). EDN: UOSTDU.
25. Kurbatov V.Ya. *Valentin Rasputin. Personality and Creativity*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1992. 172 p. (In Russian).
26. Barsukova N.I., Rodionova N.V. The Museum's Media Space as a Search for a New Format. *Kostyumologiya = Journal of Clothing Science*, 2022, vol. 7, no. 1. Available at: <https://kostumologiya.ru/PDF/14IVKL122.pdf>. (In Russian).
27. Vasil'eva P.O., Kachurovskaya D.V., Mikhailova A.V., Feoktissova S.E. *Museum in the Digital Age: Reboot*. Ekaterinburg, Izdatel'skie resheniya Publ., 2018. 183 p. (In Russian).
28. Anyukhina A.M. Phenomenon of Multimedia Longrid and Digital Storytelling in Online Media. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: the Problem Field of Media Education*, 2017, no. 2, pp. 146–150. (In Russian). EDN: YRGIGD.
29. Romantsova T.D. Media Storytelling as a Communicative Tool for a Literary Museum. In Korkonosenko S.G. (ed.). *Journalism of the 21st Century: In the Space of Culture. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, November 17–18, 2023*. Saint Petersburg, 2023, pp. 465–471. (In Russian). EDN: JBLRIF.
30. Polonskii A.V., Glushkova V.G. Language in Modern Media: A History of Gains and Losses. *RFL: Linguistic and Methodological Educational Platform. International Scientific and Practical Conference, Belgorod, May 21, 2021*. Belgorod, 2021, pp. 289–295. (In Russian). EDN: PXFYYO.
31. Albedil M.F. Thing in Museum Space: Change of Status and Other Transformations. *Orientalistica*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 620–634. (In Russian). EDN: MAZHMN. DOI: 10.31696/2618-7043-2021-4-3-620-634.
32. Rasputin V.G. Vision. *Collected Works*. Irkutsk, 2007. Vol. 3. pp. 429–433. (In Russian).
33. Simon N. *The Participatory Museum*. Available at: <https://participatorymuseum.org/read/>.
34. Dzhumaiylo O.A. Concept of Intermediality and its Evolution in Modern Scientific Knowledge. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik = Verhnevolzhskii Philological Bulletin*, 2018, no. 4, pp. 58–62. (In Russian). EDN: YRPTGH. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10197.
35. Pustovoit Yu.V. The Classification of the Multimedia Technologies in Expositions and Exhibitions of a Modern Museum. *Kul'turnoe nasledie Rossii = Cultural Heritage of Russia*, 2019, no. 1, pp. 62–67. (In Russian). EDN: SMULZM.

Информация об авторе

Романцова Татьяна Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент, отделение «Высшая школа журналистики и медиапроизводства», Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, t100562@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2246-3432>.

Author Information

Tatyana D. Romantsova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Higher School of Journalism and Media Production, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, t100562@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2246-3432>.

Для цитирования

Романцова Т.Д. Публицистика Валентина Распутина на языке музея 2.0: новая трансляция смыслов / Т.Д. Романцова. — DOI 10.17150/2308-6203.2024.13(2).373-390. — EDN LGSIIТ // Вопросы теории и практики журналистики. — 2024. — Т. 13, № 2. — С. 373–390.

For Citation

Romantsova T.D. Valentin Rasputin's Journalism in the Language of the Museum 2.0: A New Translation of Meanings. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2024, vol. 13, no. 2, pp. 373–390. (In Russian). EDN: LGSIIТ. DOI: 10.17150/2308-6203.2024.13(2).373-390.